

4. Федосюк Ю. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М., 1996.

SUMMARY

The article deals with the analysis of the composition and the structure of one of the micronuclei of the semantic field "Vitebsk region's inhabitants' surnames". The surnames derived from common nouns, which are the characteristics of a person, are analyzed in this article.

УДК 482:8.08

И. П. Кудреватых

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ БЛОКОВ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Лексико-грамматические и стилистические особенности прозы М. Ю. Лермонтова наиболее полно отражают строй мыслей и чувств человека, тонко чувствовавшего нормы социальных отношений, сложившихся в России в первой половине XIX в. Основой развития образных представлений у писателя являются отношения каузальности, или причинной обусловленности, которые складываются между БИ на интегративно-парадигматическом уровне, т. е. на уровне системы.

Системно-структурная организация дистантных ядер в синтагматическом ряду блоков информации (БИ) — это контаминация различных категориальных ситуаций. «Категориальная ситуация — это выражаемая в высказывании типовая сигнификативная ситуация, выделяемая на основе принадлежности ее элементов к тому или иному функционально-семантическому полю» [1, с. 20]. В результате их переплетений складывается определенное функциональное содержание, приобретающее в условиях контекста денотативное или коннотативное значение.

При установлении синтагматической зависимости ядер в микротеме героев между БИ складываются категориальные ситуации аспектуальности, ярко выраженной модальности и залоговости, отражающие отношения причинной обусловленности ядер. При выражении категории залоговости ведущим грамматическим признаком синтагматических отношений БИ, составляющих тематические линии (ТЛ) в прозе Лермонтова, является бинарная оппозиция актив/пассив как выражение отношений противоречия при характеристике персонажа. Если контрасти-

рующие отношения не являются доминирующим признаком при характеристике персонажа, образ подается только в активе. Причем семантико-грамматическая оппозиция актив/пассив способствует активизации причинно-следственных отношений не только между БИ в синтагматическом ряду, но и внутри самого блока. И в этом отношении наиболее выразителен образ Печорина («Герой нашего времени»), поданный в трех аспектах: с точки зрения Максима Максимыча, повествователя, и с точки зрения самого Печорина. В результате устанавливаются различные способов языкового представления предикатов отношения в лексико-синтаксической структуре.

При характеристике героя, с точки зрения Максима Максимыча, в ядрах БИ при оппозиции актив/пассив, функционально активными становятся именные формы предикативного ряда: *славный малый* (1-й БИ); *Я составил себе о нем не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными* (2-й БИ); *Я за нее [Бэлу] жизни отдам, — только мне с ней скучно* (3-й БИ); *взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжелый* (4-й БИ); *он ветреный человек, на которого нельзя надеяться* (5-й БИ); *Я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки* (6-й БИ).

При характеристике Печорина, с точки зрения самого героя («Дневник Печорина»), актуализатором смысла (при той же оппозиции) становятся глагольные формы, реализующие различные семантические отношения — межличностные, эмоциональные, рациональные. Настоящее постоянное в сочетании с прошедшим многократным создает словообраз, прошедший через призму оценки рассказчиков и читателя, — образ эгоистичного, равнодушного человека, характеристика которого затем подтверждается функционально-семантической структурой следующих БИ. Например: *Мне грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов?; Да и какое мне дело до радостей и бедствий человеческих* (8-й БИ); *Я чувствую, что когда-нибудь с ним столкнусь на узкой дороге, и одному из нас несдобровать* (9-й БИ); *Я презираю женщин, чтобы не любить их* (10-й БИ); *У меня врожденная страсть противоречить* (11-й БИ); *А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой едва распустившейся души! Она как цветок...; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!* (15-й БИ) и т. д.

В микротеме Печорина мы выделили 24 БИ, где в качестве доминирующего выступает 16-й блок, по форме изложения напоминающий исповедь, и где контрастные отношения являются

основополагающей категориальной связью данного БИ с блоками не только данной микротемы, но и с БИ других тематических линий — Бэлы, Максима Максимыча, Мэри, Грушницкого: *Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже... Я был готов любить весь мир — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть... Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; ...Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала., я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого...*

Складывается семантическое поле отношения: с одной стороны, конкретный субъект, представленный в основном именной структурой ядерных предикатов, нелокализованных во времени, с другой — обобщенный субъект, который лексикализуется с помощью глагольных абстрактных предикатов, также не прикрепленных к определенному отрезку в прошлом. Уже внутри БИ намечаются контрастные отношения субъектов, маркированные лексическими средствами абстрактной семантики, которая представлена предельными глаголами со значением многократности, повторяемости действия и непостоянным признаком кратких прилагательных, сравнительной степенью наречия и предикатов с ярко выраженной семантикой модальности потенциального мотивированного действия как выражением причинной обусловленности.

В результате оппозиция противоречия, или контрадикторные отношения являются доминирующими при установлении системных отношений блоков, например: *начала печалиться о том, что она не христианка и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича [Бэла] — мне с нею скучно (Печорин); Мы с твоим баринком были приятели (Максим Максимыч) — какое мне дело до радостей и бедствий человеческих! (Печорин).*

Оппозиция актив/пассив как выражение контрастных отношений становится определяющей категориальной связью не только на уровне отдельных БИ, но и на уровне интегративно-парадигматических отношений, т. е. на уровне целого текста. Кроме того, контрастные и причинно-следственные отношения, устанавливаемые на уровне предикатов ядерных структур БИ, участвуют в создании определенной модальности, выступая в несобственной модально-экспрессивной функции: в частности, функциональное содержание глагольных форм (несовершенное длительное, повторяющееся, многократное в сочетании с совершенным результатом) вносит модальные оттенки неизбежности, долженствования. С этой точки зрения, категорию ярко выра-

женной модальности также можно назвать текстоорганизующей в прозаических произведениях Лермонтова.

В повести «Вадим», где оппозиция актив/пассив становится ведущим грамматическим признаком при создании образа главного героя, категориальная ситуация модальности также имеет лексико-грамматическое оформление: структура предложения и инфинитив как выражение категоричности действия еще больше обнажают контрастирующие отношения ядер: *В его глазах было столько огня и ума, столько неземного* (1-й БИ — актив) — *лучше издохнуть с голода и жажды в какой-нибудь пустыне, чем лизать руку, кидающую мне остатки пира* (3-й БИ — пассив) — *Он был враждебный гений этого дома* (4-й БИ — актив) — *он не мог вырваться из демонской своей стихии* (8-й БИ — актив) — *Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную душу, чтоб так играть жизнью и смертью* (9-й БИ — пассив); *Ты хищный зверь, а не человек!* (11-й БИ — актив) и т. д.

Таким образом, показателем бинарной оппозиции актив/пассив выступает функциональное содержание предикативных основ БИ: морфолого-синтаксическое ядро (действительный/страдательный залог), с одной стороны, и лексико-морфологическое выражение действительного залога (возвратные/невозвратные формы), а также лексико-синтаксическая оппозиция переходности/непереходности — с другой стороны, т. е. при выражении данной оппозиции присутствуют все способы выражения категории залоговости.

Данная оппозиция (актив/пассив) как показатель актуализации смысла нагляднее проявляется уже в 1-м БИ, который становится препозицией причинно-следственных и контрастных отношений, складывающихся на уровне микротемы. Например, в повести «Вадим»: *Одна страсть владела его сердцем или лучше — он владел одной страстью, но зато совершенно!* Такое авторское варьирование функционального содержания структуры усиливает, конкретизирует общую субъективную модальность, появляется дополнительный оттенок значения категоричности волеизъявления, безапелляционности. В результате синтаксическая структура 1-го БИ как способ имплицитного выражения субъективно-модальных значений по мере движения тематической линии эксплицируется лексико-грамматическими средствами, и прежде всего местоимениями как выражение производителя действия или мыслимого субъекта речи и модальными словосочетаниями: *решил завлечь в свои замыслы, решил погубить невинное сердце, не мог вырваться из демонской своей стихии, должен был родиться всемогущим* и т. д., а также эмоциональной интонацией: *не почитал ли он ненависть добр*

детелью?; что такое величайшее добро и зло; Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную мелкую душу, чтоб так играть жизнью и смертью!; он верил в бога, — но также и в дьявола!; а в груди Вадима какая буря! и др.

Дистантные вариации субъективно-модальных оттенков значения (в 1-м БИ — значение волеизъявления, во 2-м — категоричности утверждения, в 7-м — призыва, в 9-м БИ — значение недоумения, в 11-м — возмущения и т. д.) обуславливают тесное взаимодействие различных речевых функций: коммуникативной, экспрессивной и апеллятивной. И как аргументация взаимозависимости функций звучат слова повествователя в 13-м (последнем) БИ ТЛ Вадима: *он хотел узнать, какое чувство волнует душу при виде... казни, при виде самых ужасных мук человеческих, и нашел, что душу ничего не волнует!* Являясь заключительным ядром блока, данная структура выступает опосредованной доминантой субъективного внешнемодального значения, заключенного в словах сестры Вадима: *ты хищный зверь, а не человек!*

Глагольные структуры, совмещая различные грамматические категории: аспектуальности, модальности, залоговости, способствуют динамике, участвующей в создании определенной оценочности, так как являются своего рода экспрессивными точками повествования. Однако при создании словообраза глагольные формы дополняются именными структурами как показателем функционально-семантической нагруженности ядер. Например: *Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов — вот что я называю жизнью («Герой нашего времени»); Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу и потом сокрушить ее, — если это было желание безумца, то по крайней мере великого безумца («Вадим»).*

Между этими ядрами, с одной стороны, можно установить общность семантики (желания эгоиста), а с другой — общность функционального содержания, т. е. бинарная оппозиция индикатив/конъюнктив как выражение гипотетической модальности, инфинитив как способ передачи категоричного индивидуального волеизъявления непосредственно указывают на общую субъективную модальность всего текста.

Эта же оппозиция устанавливается и в повести «Княгиня Лиговская» при характеристике чиновника Красинского, страдающего от зависти к высшему обществу. При этом морфологические категории глаголов выступают в несобственных функциях. Более того, при выражении модальных оттенков значения оппозиция

индикатив/конъюнктив имеет комбинированный характер: сочетание лексико-грамматических и неграмматических средств. Например: *Разве я не такой же дворянин, как вы? Я беден! Да, я беден! <...> Нет! никогда! никогда, никогда, никогда я вам этого не прощу!* (1-й БИ) — *Разве... вы не чувствовали, не догадались с первого взгляда, что я должен непременно его ненавидеть?* (2-й БИ) — *Я буду богат непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю это общество отдать мне должную справедливость»* (4-й БИ) — *«Чем я хуже их? ...будет и на нашей улице праздник», — жалкая поговорка мелочной ненависти* (5-й БИ).

Видо-временные формы глаголов, и в частности будущее время, воспринимаются в данных структурах как выражение ирреального, т. е. сослагательного желательного наклонения (*не прощу, заставлю*). Модальные оттенки требуемого, желаемого действия подкрепляются системой лексико-грамматических средств: вопросительная модальная частица *разве?* в сочетании с видо-временными формами глаголов, усиленных модальными словами, наречиями и наречными сочетаниями, словообразовательные приставки (*выучиться, повязывать галстук*), канцелярский стиль (*отдать должную справедливость*) вносят дополнительные оттенки неуверенности, оскорбленного самолюбия. Кроме того, синтаксические условия функционирования лексико-грамматических средств способствуют дополнительному установлению определенных модальных оттенков значения: это интонационное варьирование (*Нет! никогда! никогда, никогда*), градационное усиление семантической значимости (*не чувствовали, не догадались*), а также авторские замечания, выступающие аргументацией читательских ассоциаций: *Бедный, невинный чиновник! Он не знал, что для этого общества, кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были).*

Оппозиция актив/пассив как типологический признак БИ у Лермонтова имеет четкую соотнесенность с семантической структурой словообраза, т. е. данный признак доминирует при характеристике человека активного, противоречивого, имеющего твердый, волевой характер. В остальных случаях данная оппозиция уступает место только активной синтаксической конструкции. Например, при характеристике помещика Палицына, Ольги («Вадим») или при характеристике Бэлы («Герой нашего времени»).

Кроме оппозиции актив/пассив, грамматическим признаком БИ в прозаических произведениях Лермонтова является аспектальность как основное категориальное значение глагольных форм в ядерных структурах, в частности длительность, многократность, интенсивность протекания действия предельных глаголов. Именно глаголы становятся характерологическим признаком

межличностных и эмоциональных отношений героев и определяют динамизм повествования, являясь своего рода «полем напряжения». Более того, глаголы у Лермонтова самодостаточные, так как несут оценочно-квалифицирующую информацию, которая затем дополняется, уточняется, актуализируется квалификативным типом именных структур. Неакциональная семантика предикатов вступает в противоречие с акциональными глаголами-предикатами, в результате чего обнажается устойчивый концепт: при характеристике Печорина — концепт ‘эгоизм’, Вадима — концепт ‘жестокость’, при характеристике чиновника Красинского — концепт ‘зависть’. Только при соотношении этих значений с сигнификативным содержанием названий произведений (без их связи с фоновыми знаниями, или пресуппозицией) можно определить смысл заголовков у Лермонтова, причем только в повестях «Вадим» и «Герой нашего времени». Так как повесть «Княгиня Лиговская» осталась незаконченной, ее название имеет нулевой смысл.

Видо-временные формы глаголов в произведениях М. Ю. Лермонтова богаты аспектуальными значениями, основным из которых является темпоральная оппозиция настоящее постоянное/имперфект с преобладающей формой презенса. Такое соотношение неакциональной семантики предикатов с моделями акциональной имперфектной семантики (при небольшом их количестве) создает единый повествовательный план — настоящее постоянное, нелокализованное во времени с ярко выраженной оценочной модальностью и экспрессивностью.

Таким образом, в прозе Лермонтова отсутствует процесс развития, нет будущего предвидения событий, что объясняется личностью самого писателя: сопоставляя настоящее с прошлым, он не выводит первое из второго, а противопоставляет одно другому, считая, что вслед за плохим настоящим наступит плохое будущее [2].

Каждый БИ в микротеме содержит эксплицитное выражение субъективно-авторской позиции к изображаемому, которая накладывается на позицию повествователя, т. е. содержит проявление авторизации как указание на источник информации, с одной стороны, а с другой — раскрывает семантический потенциал интерпретации содержательной структуры блоков. И в этом отношении велика роль паралингвистических средств, и в частности интонационной оформленности ядерных структур, декодирование которых в большей степени связано с лексико-функциональным содержанием БИ. Особенности интонационного варьирования вносят элемент разговорности, что придает повествованию живость, эмоциональность, окрашивая высказывания в определен-

ные модальные оттенки: негодования, возмущения, неодобрительности, сочувствия нежности, грусти и т. д.

Типологическим признаком БИ в прозе Лермонтова можно рассматривать и словопорядок, т. е. структурно-синтаксическую организацию ядер. Прямой, или объективный, порядок слов с выраженной актуализацией объектного ряда при характеристике героя также является средством выражения субъективной модальности. Кроме того, начальная позиция субъектов действия или речи, эксплицированных местоимениями, а также эксплицитное выражение предполагаемого субъекта действия (синтаксическая структура предложения) становятся семантическими структурными центрами БИ.

Таким образом, доминирующими грамматическими признаками БИ являются категориальные ситуации аспектуальности, залоговости и модальности, которые определяют причинно-следственные отношения при интегративно-парадигматической связи БИ. Причем в зависимости от характеристики героя отношения причинной обусловленности могут иметь прямой и обратный порядок следования логических частей, что обусловлено коммуникативными намерениями автора. Основная оппозиция при выражении данных категорий — темпоральная: настоящее постоянное/имперфект с преобладанием презенса, что способствует созданию единого повествовательного плана — настоящего вневременного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Грамматическая форма и контекст (О понятиях «частное значение», «функция грамматической формы» и «категориальная ситуация») //Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения. XII—XIII. М., 1984.
2. Егоров Б. Ф. Категория времени в русской поэзии XIX в //Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. М., 1974.

SUMMARY

The article observes the structural-grammatical organization of syntactical units (information blocks) and their variation as a condition of interpretation of sense in works of M. Y. Lermontov.